

— Учитель Кань, я еще не очень голодна, ешьте вы сначала, — вежливо сказала Цзин Хуань.

Кань Гуанцинь подтолкнула ее за плечо, улыбнувшись:

— Не стесняйся, иди ешь. Цинъюнь, помоги моей ученице.

Кэ Цинъюнь взглянула на Цзин Хуань и кивнула:

— Хорошо.

Они сели за стол друг напротив друга, каждый на своем конце. Стол был прямоугольным, и такое расположение делало расстояние между ними казаться еще больше. Кэ Цинъюнь вспомнила, что обещала Кань Гуанцинь помочь, и протянула уксус и соус чили к Цзин Хуань:

— Если любишь острое, можешь добавить.

Цзин Хуань заметила, как перед ней внезапно появились две бутылки:

— Спасибо.

— Как продвигается решение проблемы? — спросила Кэ Цинъюнь, подув на цзяоцзы.

— Что? — подняла глаза Цзин Хуань.

Кэ Цинъюнь пояснила:

— Диссертация.

Цзин Хуань сразу поняла:

— Учитель посоветовала мне несколько книг, я сначала прочту их, чтобы разобраться в мыслях.

— Хорошо, — кивнула Кэ Цинъюнь. — В начале работы над диссертацией не торопись.

Цзин Хуань согласилась:

— Поняла.

Между ними не было особого разговора. Когда Кань Гуанцинь присоединилась к ним, она заметила, что атмосфера немного странная, и взглянула на Цзин Хуань:

— Цинъюнь в компании не слишком строгая?

Этот вопрос был слишком неожиданным.

Цзин Хуань не была готова, и в голове сразу всплыла сцена, как Кэ Цинъюнь ругалась на утреннем собрании, но она покачала головой:

— Нет, она очень хорошая.

— Правда? — улыбнулась Кань Гуанцинь. — Я думала, ты ее боишься, почему такая скованная?

Эти слова заставили Кэ Цинъюнь тоже удивиться, и она посмотрела на Цзин Хуань.

Внимание всех теперь было сосредоточено на ней. Цзин Хуань положила палочки и сухо усмехнулась:

— Нет, просто я была очень удивлена, что директор Кэ — ваша дочь, не сразу смогла прийти в себя.

— Да, когда Цинъюнь сказала, что ты ее ассистент, я тоже удивилась, — Кань Гуанцинь взяла бутылку с уксусом, налила немного в свою чашку и вдруг улыбнулась. — Недавно один студент жаловался мне, что атмосфера в его компании угнетающая, и он чувствует себя, как перед директором школы, едва сдерживаясь, чтобы не поклониться. Я тогда сказала Цинъюнь, чтобы она ни в коем случае не была таким руководителем.

— Директор Кэ в компании очень добра к нам, все ее любят, — поспешно добавила Цзин Хуань.

Кань Гуанцинь улыбнулась, взглянув на Кэ Цинъюнь:

— Похоже, она меня послушала.

После обеда Кань Гуанцинь ушла ухаживать за растениями в саду, а Кэ Цинъюнь мыла посуду на кухне. Цзин Хуань, вытерев стол, взяла тряпку и зашла на кухню. Кэ Цинъюнь обернулась и сказала:

— Повесь ее там.

Цзин Хуань не двинулась с места, сжимая тряпку в руках, и снова извинилась:

— Прости, мне не следовало говорить Цзин Юаню то, что я сказала.

На самом деле, она пожалела об этом сразу после того, как сказала. Хотя многие сотрудники в частных разговорах жалуются на начальство, Кэ Цинъюнь была не только ее руководителем. Она была учителем, который помогал ей с математикой, и сестрой, в которую она когда-то была влюблена. Быть отвергнутой было неприятно, но это не давало ей права отрицать все хорошее в Кэ Цинъюнь.

Такие необдуманные слова ранят и выглядят очень по-детски. Цзин Хуань понимала свои темные стороны. Она, будучи отвергнутой Кэ Цинъюнь, притворялась, что ей все равно, и использовала резкие слова, чтобы отрицать прошлое, защищая свою гордость. Но такая незрелая неспособность признать слабость, если глубоко задуматься, действительно выглядит неуклюже.

Любить или не любить — это ее право, но и для Кэ Цинъюнь было правом отказать. Ее чувства к Кэ Цинъюнь были непреодолимы, и это не было ошибкой. Но и отказ Кэ Цинъюнь не был ошибкой. Цзин Хуань считала, что ей нужно быть более зрелой, не поддаваться эмоциям. По крайней мере, если она ошиблась, то должна признать это. Сы Яо тоже сказала, что быть отвергнутой — это нормально, и она должна посмотреть правде в глаза.

Ресницы Цзин Хуань трепетали, ее взгляд был расфокусирован, она смотрела в одну точку на полу, даже не думая ни о чем:

— Надеюсь, ты больше не сердишься на меня.

Сердце Кэ Цинъюнь дрогнуло, она почувствовала легкое онемение. Она знала, что это чувство — жалость. Уголки ее губ дрогнули, и наконец она заговорила:

— Хочешь помириться?

Кэ Цинъюнь действительно злилась эти дни, но слова Цзин Хуань о ее лицемерии ранили больше, чем злили.

Цзин Хуань подняла глаза:

— Да.

— Тогда сначала назови меня сестрой, — сказала Кэ Цинъюнь.

Цзин Хуань замерла, глаза ее широко раскрылись, она пыталась понять, серьезно ли это или просто шутка.

— Что?

Кэ Цинъюнь улыбнулась, глядя на Цзин Хуань:

— Не хочешь?

— Нет, — покачала головой Цзин Хуань, сжала губы и поняла, что может это сказать. — Цин... Цинъюнь-цзе.

Кэ Цинъюнь нахмурилась, словно была недовольна:

— Раньше ты называла меня по-другому.

Цзин Хуань пробормотала себе под нос:

— Зачем называть точно так же, как раньше, Цинъюнь-цзе тоже неплохо.

— Верно, — кивнула Кэ Цинъюнь. — За эти годы ты познакомилась с множеством сестер, и если не называть тебя Цинъюнь-цзе, будет сложно различить.

Цзин Хуань удивилась:

— Что?

Кэ Цинъюнь напомнила:

— Ты сама сказала, что познакомилась со многими сестрами.

Цзин Хуань вспомнила, и ее лицо немного покраснело. Она не ожидала, что ее случайная ложь запомнится Кэ Цинъюнь.

— На самом деле, их не так уж много.

— Сколько же тогда?

— Не помню.

— Не помнишь или не можешь сосчитать?

Цзин Хуань уверенно сказала:

— Не помню.

Кэ Цинъюнь слегка приподняла бровь:

— Верно, важные люди быстро забывают. Всего за семь лет ты полностью забыла, как я помогала тебе с уроками.

— Я не совсем забыла, кое-что помню, — Цзин Хуань попыталась не отрицать доброту Кэ Цинъюнь.

Улыбка в глазах Кэ Цинъюнь исчезла, она смотрела на Цзин Хуань, долгое время не говоря ни слова. Цзин Хуань почувствовала странное ощущение, подняла глаза и встретила с ее взглядом.

— Цзин Хуань, — Кэ Цинъюнь в своем возрасте уже не видела смысла ходить вокруг да около, но некоторые вещи нужно было прояснить. Ей нужно было знать, что думает Цзин Хуань. — Ты... все еще любишь меня?

Я больше не люблю её.

Когда она говорила это Сы Яо, тон был таким же спокойным, как если бы она обсуждала хорошую погоду, вкусную еду в столовой или новую одежду коллеги. Внутри было спокойно, безмятежно, без единой волны. Но когда она столкнулась с Кэ Цинъюнь лицом к лицу, ее губы словно слиплись, и она не могла произнести ни слова.

Мысли ее были слегка размыты. Она помнила, как в конце весны, вечером, когда ветер уже приносил легкую жару, под окнами дома шелестели зеленые листья камфорных деревьев. В воздухе витал легкий запах мяты, который бодрил и радовал сердце.

Цзин Хуань, держа руки за спиной, прыгала, следуя за Кэ Цинъюнь вниз. Та шла впереди, одетая в бежевую рубашку, рукава которой были закатаны до предплечий. На запястье у нее были белые спортивные часы, которые подчеркивали белизну ее кожи, и даже вены на руке были видны.

Ветер дул, весна еще не ушла, и, вероятно, из-за такой приятной погоды Цзин Хуань не хотела уходить и продолжала идти за ней.

Человек впереди остановился, повернулся и с улыбкой сказал:

— Хватит провожать, возвращайся.

Ветер снова поднялся.

Она подняла руку, чтобы убрать прядь волос, развевающуюся на ветру, улыбка не исчезла:

— Что-то случилось?

Цзин Хуань смотрела на Кэ Цинъюнь, уголки ее губ медленно поднялись, обнажив белые зубы. В такую прекрасную пору ее чувства, как весенние ростки, быстро росли, и, стоило ветру подуть и капле дождя упасть, их уже было не скрыть.

— Сестра, я люблю тебя.

Тогда она не знала, любит ли Кэ Цинъюнь мужчин или женщин, есть ли у нее парень, она даже

не думала о результате. Ее сердце было переполнено этим человеком, и чувства юной девушки были прямыми и горячими, как открытый огонь, который невозможно скрыть, и бумага снаружи в конце концов сгорит, обнажив искреннее сердце.

Кэ Цинъюнь сказала ей:

— Прости.

Дождь пошел, и огонь погас.

С годами она становилась старше, но смелости становилось меньше. Любила она или нет, Цзин Хуань давно уже не имела той храбрости и пыла, что были в юности. Ответ, естественно, был более удобным, чтобы обе стороны могли сохранить лицо.

Ответ, готовый сорваться с губ, Цзин Хуань пережевывала снова и снова, пока наконец ее лицо не смягчилось, и она, слегка улынувшись, выдохнула:

— Люблю.

— Не только я, все тебя любят, в этом году ты точно станешь самым популярным руководителем.

Цзин Хуань была настолько шокирована, что не могла говорить.

Две фразы прозвучали слишком близко друг к другу, и Кэ Цинъюнь не успела среагировать, она замерла:

— Самый популярный руководитель?

Оказывается, они понимали слово «любить» по-разному.

<http://bllate.org/book/16911/1568343>